

Одна сторона — это бескрайние просторы, величественные горы и ряды воинов, готовых по первому зову выступить в поход. Солдаты — сплошь юноши, полные жизненных сил, — стойко переносили прохладу поздней осени, вытянувшись в струнку, и никто из них не проронил ни слова жалобы.

Другая сторона — высокая крепостная стена, замершая в тишине. На камнях еще видны следы былых сражений, но она по-прежнему стоит незыблемо. А за стеной — совсем иной мир.

Там собрались чиновники, присланные императором — сплошь толстопузые и лоснящиеся от сытости. Вэнь-ди не приехал, но сановники к этому привыкли: нрав у императора переменчив, и никому не дано разгадать его замыслы.

Зато прибыл любимец государя, евнух Ли. Хуа Жолян, не подавая виду, внимательно изучала его. В донесениях Теней говорилось, что по пути на север евнух Ли положил глаз на одну девушку и хотел забрать её силой, но получил отпор от Гун Юньшу. Сердце Хуа Жолян дрогнуло, и она снова перевела взгляд на Гун Юньшу.

Взобравшись в седло, Гун Юньшу с тоской обернулась. Она смотрела не на пышную столицу, а на одну-единственную женщину.

— Принцесса, стало холодно, возвращайтесь скорее, — сказала она.

Гун Юньшу хотелось смотреть на неё вечно, ухватить лишнюю секунду, лишний миг близости. Но, вспомнив о хрупком здоровье Хуа Жолян, она ограничилась лишь этими словами.

Хуа Жолян улыбнулась, плотнее закуталась в плащ и повернула обратно к воротам.

Гун Юньшу с легким сердцем хлестнула коня, и тот сорвался с места. Сегодня на ней была темная одежда — лишь для того, чтобы Хуа Жолян могла видеть её издали. Но теперь в этом не было нужды: Хуа Жолян вернулась в свою резиденцию.

Эта мысль отозвалась в душе Гун Юньшу грустью. А потом она одернула себя: ведь она сама попросила её уйти, так к чему же эта печаль? Сложные чувства, что теснились в сердце, никак не желали утихать.

Любить кого-то — это так странно.

С высоты столичной стены Хуа Жолян, укутанная в плащ Гун Юньшу, вглядывалась вдаль. Темное пятнышко в поле зрения становилось всё меньше и меньше, пока совсем не исчезло, растворившись в мареве горизонта.

— Глупышка, а ведь ты заботливая, — прошептала она.

Темный силуэт окончательно растаял в небесах, словно его никогда и не было.

Неизвестно почему, но Хуа Жолянъ еще долго стояла на стене. Может, любовалась унылой красотой поздней осени за пределами столицы, может, не хотела возвращаться в суету города, а может, в глубине души надеялась снова увидеть фигуру Гун Юньшу.

Чистый, ясный взгляд, мягкая улыбка и та нежность, которой невозможно было насытиться.

Это была любовь. Настоящая любовь.

Волоча за собой тяжелый плащ, Хуа Жолянъ молча спустилась со стены. Её сердце, так долго хранившее холод, наконец отворило свои двери. Оставалось лишь надеяться, что чувства другого человека вторят её собственным.

Приближались сумерки. Внутри столичных стен ночная жизнь била ключом, гремели пиры. А снаружи гулял холодный осенний ветер, и кружились опавшие листья.

Церемония назначения императрицы.

Князья, правящие уделами, не смели возвращаться в столицу без особого указа государя, поэтому их шансы взойти на престол были ничтожны. Старший принц Хуа Жохэн, которому так и не пожаловали титул князя, имел наибольшие шансы стать наследником. Вэнь-ди явно был намерен передать ему часть власти.

Его поддерживало множество чиновников, и, если не случится непредвиденного, он станет следующим императором. Однако сейчас, спустя несколько дней после прибытия удельных князей в столицу, император не спешил отправлять их обратно. Значит, место наследника еще не закреплено за старшим принцем.

Принцессе не нужно было ежедневно являться во дворец, но на этот раз Хуа Жолянъ пришла — ради церемонии. Новой императрицей стала наложница Мэй, Цинь Цзыцзинь.

Сидя на своем месте, Хуа Жолянъ спокойно наблюдала за переменами в поведении трех принцев. День был праздничным, но лицо старшего принца Хуа Жохэна было мрачнее тучи. Его мать, Шу-фэй, и наложница Мэй всегда были непримиримыми врагами, и возвышение последней сулило ему одни беды. Четвертый принц, Хуа Жоли, едва сдерживал радость — он знал, что Мэй Жу ему благоволит. Что же до третьего принца, Хуа Жоцзина, то каждое его движение было выверено до мелочей, и прочитать его мысли было невозможно.

Взгляд Хуа Жолянъ на мгновение блеснул. Она надеялась, что Хуа Жоцзин действительно равнодушен к престолу, иначе он станет опасным соперником. Равнодушен? Уголки губ Хуа

Жолянъ невольно дрогнули в усмешке.

Минуты тянулись. Император и новая императрица всё не появлялись, и Хуа Жолянъ почувствовала неладное. Хуа Жоли, воспользовавшись тем, что никто не смотрит, приблизился к ней. В своем роскошном придворном наряде он выглядел ослепительно, и Хуа Жоли не мог отвести от неё глаз. Собравшись с мыслями, он прошептал:

— Сестра, боюсь, что...

Договорить он не успел. Раздался тонкий, пронзительный голос евнуха:

— Император прибыл!

Сказано было только об императоре, ни слова об императрице или наложнице Мэй. Хуа Жолянъ опустилась на колени и бросила Хуа Жоли взгляд, приказывая молчать.

Вэнь-ди не произнес привычного приказа подняться, и все чиновники, принцы и принцессы остались стоять на коленях. Любой, у кого были хоть какие-то глаза, видел, что император в ярости. Все замерли в страхе. Вэнь-ди молчал, лишь ледяным взглядом обводя тех, кто был на полу. Атмосфера упала до точки замерзания.

— Наложница Мэй скоропостижно скончалась во дворце. Указ о назначении императрицей отменяется, — Вэнь-ди пытался говорить спокойно, но даже глухой услышал бы в его голосе жгучую ненависть. Никто не смел издать ни звука.

— Что же вы молчите! Вы ведь всегда так говорливы! — Вэнь-ди охватил гнев. Ему нужен был тот, на ком можно выместить злость. — Цинь Цзыцзинь, неужели я плохо к тебе относился?

После этих слов он зашелся кашлем. Евнух Ли поспешно подал ему шелковый платок, а когда забрал его обратно, на ткани алели пятна крови.

Те, кто стоял ближе, всё увидели.

— Император! — Отец!

Старший принц решил, что это его шанс отличиться. Он первым вскочил на ноги, оттолкнул евнуха Ли и, выжав из себя несколько слезинок, воскликнул:

— Отец, ваша преданность достойна восхищения, но берегите здоровье! Ради одной женщины не стоит так себя изводить!

Чиновники, поддерживающие его, тут же подхватили:

— Верно, государь, берегите себя! — А затем добавили: — Как похвальна сыновняя почтительность старшего принца!

Хуа Жолянй стояла на коленях, холодно наблюдая за этим спектаклем. Она слегка нахмурилась: смерть наложницы Мэй выглядела слишком подозрительно. Заметив, что Хуа Жоли тоже собирается подняться, она коротко бросила:

— Оставайся на коленях.

— Но... — Хуа Жоли хотел возразить. Это был прекрасный шанс проявить себя, он не мог позволить старшему брату забрать все лавры. Но, встретив непреклонный взгляд сестры, он вспомнил, что она никогда не ошибается, и послушно замер.

Вэнь-ди пришел в бешенство и с силой пнул старшего принца.

— Я разве разрешал вам вставать?

Всё шло именно так, как предвидела Хуа Жолянй. Как говорится, пуля попадает в того, кто высовывается первым. Император в дурном настроении, а ты лезешь прямо под руку. Старший брат, ты проиграл эту партию из-за своей импульсивности.

Отец искренне любил Мэй, а слова старшего брата выставили её в глазах императора лишь очередной роковой красавицей.

После этого события всё превратилось в посмешище. Вэнь-ди внезапно слег, и, судя по всему, жить ему оставалось недолго. Старшего принца посадили под домашний арест на три месяца.

Двум удельным князьям так и не разрешили вернуться в свои земли. Это было равносильно молчаливому согласию на их борьбу за трон.

Поражение старшего принца стало ключом, открывшим врата великой схватки. В тишине начали сгущаться тучи.

В своей резиденции Хуа Жолянй любовалась фонарем-королем и, о чем-то задумавшись, едва заметно улыбнулась.

Мелькнула черная тень — это был Ин. Опустившись на колено, он доложил:

— Принцесса, зять благополучно вернулся на север.

Хуа Жолянй вздохнула с облегчением. Раз она в безопасности, значит, всё хорошо. Если не будет крайней необходимости, она ни за что не станет втягивать Гун Юньшу в свои дела. А теперь пришло время встретиться с Тао Яояо.

Чтобы отправиться в такое место, как «Пьяный бессмертный», нужно было переодеться в мужское платье. А поскольку это заведение было местом сбора знати, наряд должен был быть подобающим.

Хуа Жолян, будучи принцессой, не мелькала перед глазами чиновников, как принцы. И хотя слава о её красоте гремела повсюду, мало кто знал, как она выглядит на самом деле.

Тао Яоя была облачена в длинное платье цвета лунного света, подчеркивающее её изящную фигуру. В волосах — никаких лишних украшений, лишь одна нефритовая шпилька, просто придерживающая черные пряди. Она сидела в беседке на заднем дворе и, подняв бокал, приглашала луну разделить её одиночество. От вина её взгляд подернулся дымкой, а уголки губ чуть приподнялись, являя миру природное очарование и грацию.

— Вино вредит здоровью. Пей поменьше.

Голос прозвучал холодно и чисто — это была она. Тао Яоя подняла глаза. Сегодня Хуа Жолян была в мужском головном уборе с нефритовым гребнем, в белых одеждах, с нефритовым поясом, на котором висел гладкий камень. Её хрупкая фигура казалась почти призрачной, словно её мог унести ветер. Настоящий прекрасный юноша, одухотворенный и благородный. Разве может хоть одна женщина устоять перед таким?

— Ваше Высочество, — прошептала Тао Яоя, в глазах которой от вина стоял туман.

Пока они говорили, Хуа Жолян подошла ближе. Глядя на опьяневшую Тао Яоя, она подумала: хорошо, что я не мужчина.

Тао Яоя попыталась встать, чтобы поприветствовать её, но от хмеля потеряла равновесие и подалась вперед, прямо в объятия Хуа Жолян. Тонкий аромат окутал её, и Хуа Жолян на мгновение замерла. Она была слаба здоровьем, но Тао Яоя была легкой, и, отступив на пару шагов, им удалось устоять.

Её объятия были холодными. Тао Яоя, прижавшись к ней, пробормотала:

— Ваше Высочество, прошу прощения, я чуть не сбила вас с ног.

— Вины здесь нет, всё дело в вине. Садись, — Хуа Жолян не стала придавать этому значения. Тао Яоя была ей полезна, а пока полезные люди не переходят её границ, она готова была их терпеть. Тем более что сегодня, в своем хмельном бреду, та была даже приятна в общении.

— Тао Яоя.

— А? — Тао Яоя очнулась, её глаза всё еще подергивала пелена.

Хуа Жолян на мгновение замолчала. Сегодня Тао Яоя вела себя как юная девушка, впервые

познавшая чувства — видимо, всё из-за вина.

— Ваше Высочество, неужели вы засмотрелись на меня, раз молчите? — Тао Яояо тихо рассмеялась, и в каждом её движении сквозило кокетство. Опустив взгляд, она продолжала смотреть из-под ресниц с невыразимым намеком.

— Сколько у тебя уверенности в том, что ты станешь наложницей Хуа Жоцзина?

— Полная уверенность.

— О? — Хуа Жоляннь слегка приподняла уголки губ, рассматривая женщину, которая уже не казалась пьяной, а выглядела соблазнительной и манящей. У неё проснулся интерес. — Ты слишком самоуверенна, — в её голосе не было упрека, только легкая улыбка.

— Ваше Высочество мне не верит? — Тао Яояо прикрыла рот рукой и рассмеялась, и смех её звенел, как нефрит о нефрит. Она плавно поднялась, источая аромат. Приблизившись к Хуа Жоляннь, она посмотрела на неё застенчиво, но вызывающе: — Тогда я покажу вам, как это делается.

Не дожидаясь ответа, Тао Яояо легонько сжала руку Хуа Жоляннь, заставляя ту посмотреть ей в глаза — глубокие, бездонные, полные тайных смыслов.

Вдруг Тао Яояо улыбнулась, села Хуа Жоляннь на колени, положила руки ей на плечи и прошептала:

— Ваше Высочество, я красива?

Всё это было проделано с невероятной грацией. Прекрасный вечер, лунный свет, идеальная обстановка.

Взгляд Хуа Жоляннь стал непроницаемым. После недолгого молчания она одобрительно произнесла:

— Недурно. Будь я женщиной, давно бы уже потеряла голову...

— Вы так и не ответили на мой вопрос.

— Очень красива.

— А я нравлюсь вам, Ваше Высочество?

Слова прозвучали донельзя легкомысленно.

— Будь я женщиной, непременно бы понравилась.

Тао Яояо отстранилась и вернулась на свое место. Она выпила еще бокал теплого вина и посмотрела на беседку — там уже царила осень.

— Ваше Высочество, как же вы скучны. Зачем упоминать мужчин в такой момент? — она с укором посмотрела на Хуа Жолянью. — Мужчины — это лишь мутная тина. Они погрязли в борьбе за власть, готовы ломать головы ради мирских благ. Играют чувствами женщин, лишь бы получить желаемое. Дома — три жены и четыре наложницы, а снаружи — новые увлечения. Женщины куда лучше мужчин.

Хуа Жолянь рассмеялась.

— Женщины тоже не всегда бывают честны.

Тао Яояо моргнула, её улыбка не угасла, а стала лишь ярче.

В своей резиденции Хуа Жолянь задумчиво разглядывала свое отражение в медном зеркале. Тао Яояо была права: большинство мужчин именно таковы. Ради власти и выгоды они готовы идти по головам.

А сама она? Разве не делает она того же самого?

Тщательные расчеты, каждый шаг продуман.

Но трон, в конечном счете, достанется лишь тому, для кого она готовит путь.

Какая несправедливость.

Закончив дела в армии, Гун Юньшу шла по узкой улочке Южной улицы. Торговцы, торговавшие овощами, уже начинали сворачивать лавки. Увидев главнокомандующего, они не тушевались и приветствовали её как родную. А иногда кто-то, вроде этой тетушки, позволял себе шуточки:

— Главнокомандующий, девица Цзысинь с самого утра купила у меня овощи и пошла готовить. Наверняка ждет вас к ужину. Повезло же вам, госпожа!

— Цзысинь... она заботлива, — ответила Гун Юньшу.

Когда-то она спасла Лу Цзысинь из рук жунов, но та получила тяжелое ранение и потеряла память. Идти ей было некуда, и Гун Юньшу позволила ей временно пожить в своем доме. Кто

бы мог подумать, что она не только искусна в медицине, но и прекрасно управляется по хозяйству.

— Главнокомандующий, не сочтите за дерзость, — продолжала тетушка, — но Цзысинь живет у вас уже почти год. Пора бы вам дать ей имя и положение.

Кто такая Хуа Жолянь? Для этой женщины — человек из мира грез. А Лу Цзысинь она видела каждый день, и та была прекрасной девушкой. Говоря это, она совершенно забыла о том, что Гун Юньшу уже замужем за принцессой.

Гун Юньшу занервничала и поспешила объяснить:

— Тетушка, у нас с Цзысинь чисто платонические отношения!

Тетушка, видя, что Гун Юньшу не лжет, неспешно сложила овощи в корзину, но всё еще выглядела недоверчиво:

— Главнокомандующий, даже если так... Девушка живет в вашем доме, это не очень-то хорошо для её репутации.

— Это...

Вернувшись домой, она почувствовала запах горячей еды. Аппетитный аромат помог уставшему телу расслабиться. Хмурое выражение лица Гун Юньшу постепенно исчезло.

Лу Цзысинь вышла ей навстречу:

— Главнокомандующий вернулась.

— Цзысинь, — Гун Юньшу незаметно уклонилась от её руки и сама повесила шлем. Слова той женщины имели смысл. Даже если она сама была женщиной, в глазах общества она оставалась мужчиной. Оставлять Лу Цзысинь у себя — не лучший выход. Принцесса из-за этого наверняка не раз ревновала.

Гун Юньшу села за стол и начала есть. Лу Цзысинь села напротив.

Когда Гун Юньшу только поступила на службу, у неё не было жилья. Генерал Ли, видя её бедственное положение, приютил её у себя. Позже, за боевые заслуги, её заметил предыдущий главнокомандующий Цзян И и пожаловал этот небольшой домик.

С тех пор она жила здесь, пройдя путь от рядового до авангардного генерала, а затем и до командующего армией. До появления Лу Цзысинь Гун Юньшу готовила сама, но чаще довольствовалась солдатской кашей в лагере. С приходом Цзысинь в доме, где месяцами не топили очаг, наконец появился уют, а на столе — три блюда и суп.

Гун Юньшу чувствовала, что присутствие Лу Цзысинь — это подарок судьбы. Но теперь слухи о том, что она «прячет в золотом доме красавицу», разгорались с новой силой.

— У Цзысинь золотые руки, какой мужчина будет счастлив взять её в жены, — подшутила Гун Юньшу, отправляя в рот кусочек овощей. Она была голодна после целого дня службы.

— Главнокомандующий, не подшучивайте надо мной, — смущенно ответила Лу Цзысинь. — Если вам нравится, ешьте больше, никто не отнимет, не торопитесь.

— Кстати, Цзысинь, у тебя есть на примете какой-нибудь мужчина?

Палочки в руках Лу Цзысинь замерли.

— Пока нет.

— Нет? — Гун Юньшу замедлила темп еды.

— Главнокомандующий, к чему эти разговоры... — Лу Цзысинь отложила палочки, опустила голову и крепко сжала край одежды. С легким всхлипом она спросила: — Вы хотите меня выгнать?

— Что за глупости? — Гун Юньшу вовсе не собиралась её прогонять. Она лишь думала, что если у Лу Цзысинь кто-то есть, она могла бы помочь ей устроить жизнь и положить конец сплетням.

Она поспешила её успокоить:

— Ты оказала мне услугу, как я могу так поступить?

— Услугу? — прошептала Лу Цзысинь, не поднимая головы. Гун Юньшу не видела её лица, но в голосе слышались странные нотки. — Спасибо... что дали мне кров.

— Не нужно этих формальностей. Еда остынет, хоть ты и сама её приготовила, холодная она никуда не годится. Ешь.

Вспомнив о том, что родители Лу Цзысинь погибли от рук жунов, Гун Юньшу почувствовала с ней некое родство душ. По её манерам было видно, что раньше она была из знатной семьи. Пережить такое — значит, вынести немало страданий.

Видя, что Лу Цзысинь не притрагивается к еде, Гун Юньшу моргнула и снова взялась за палочки. Только тогда Лу Цзысинь начала есть.

— Давай выберем день, и я признаю тебя своей названной сестрой. Как тебе?

Это положило бы конец всем пересудам, и Лу Цзысинь могла бы остаться здесь на законных основаниях. А если слухи не утихнут — плевать. Оставлять слабую женщину одну — это небезопасно.

В глазах Лу Цзысинь отразилась безграничная благодарность.

— У меня есть навыки врача, я смогу заботиться о вас, если заболееете...

Тот, кто вершит великие дела, не может позволить себе мягкосердечие. Она должна выжить, чтобы отомстить за мать. Во дворце Чунхуа лилась кровь, падал подсвечник, и бушующее пламя пожирало всё роскошное убранство...

Хуа Жолянь, укрытая холодным лунным светом, наблюдала из чайной неподалеку от павильона Сяосян за простой свадебной паланкином.

Переведя взгляд, она увидела Тао Яояо. Она вышла через боковую дверь — никакой короны феникса, лишь соблазнительное легкое платье, в котором она выступала в павильоне. Ни друзей, ни близких, чтобы пожелать счастья. И уж тем более никакого жениха, ожидающего её снаружи. Пожалуй, величайшей честью для неё было то, что хозяйка павильона, обычно смотревшая на всех свысока, сегодня снизошла до того, чтобы поддержать её под руку.

Всего лишь наложница для куртизанки.

— Яояо, я поняла, что ты не из простых, как только увидела тебя в первый раз. И точно, теперь ты выходишь замуж за принца в качестве наложницы, — голос стал тише. — Кто такой Хуа Жоцзин? Третий принц, любимец государя. Когда станешь госпожой, не забудь свою старую хозяйку!

Хозяйка павильона льстиво улыбалась, и под её мимикой толстый слой белил грозил осыпаться в любую секунду. В её чертах еще можно было угадать былую красоту.

Когда-то она была лучшей куртизанкой этого павильона. Но что толку в красоте, если вся молодость была похоронена в этом клочке земли?

— Если мне посчастливится преуспеть, разве я посмею забыть? Вашу доброту я храню в сердце.

Неважно, была ли это правда, но хозяйка, глядя на её юное лицо, расплылась в довольной улыбке:

— Если я буду нужна, обращайся, я обязательно помогу.

— Благодарю вас, хозяйка.

Если она преуспеет — хорошо. А если умрет от голода, усталости или боли — пусть только никто из этого павильона не смеет над ней насмехаться. За те годы, что она провела в «Пьяном бессмертном», она видела достаточно. Слова людей зачастую лживее слов призраков.

Для обитателей павильона её уход означал лишь потерю «денежного дерева».

Тао Яояо, не оглядываясь, села в паланкин.

Она была лишь пешкой. Пешкой в чужих руках. Скованная невидимыми нитями, лишенная свободы и достоинства. Она использовала ложь и интриги лишь для того, чтобы выжить.

Впрочем, это тоже неплохо.

Быть пешкой в чужих руках, но при этом уметь разгромить на доске тех, кто слабее.

Разве не так?

Тао Яояо сидела прямо, сжимая в ладони золотой лист. Её пустые глаза смотрели на колышущуюся от ветра занавеску.

Взятие в наложницы — это не свадьба с законной женой, не нужно оповещать друзей и родственников. Не нужно даже кланяться друг другу.

<http://bllate.org/book/19781/1949251>